

A close-up photograph of a marble statue of a bearded man, likely a classical Greek or Roman figure. The man has a thick, curly beard and a stern expression. He is shown from the chest up, with his torso and right arm visible. The background shows architectural elements like columns.

16+

Елена Чечеткина

**СВЕРХНОВЫЕ СКАЗКИ
НЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ**

Елена Александровна Чечёткина

Сверхновые сказки не нашего времени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57478462

SelfPub; 2020

Аннотация

Это третий сборник из серии «Сказки не нашего времени» и, похоже, последний. Потому что сверхновая – это всегда конец: звезда взрывается, а дальше – уж как получится. Так что читайте «Сверхновые сказки» поскорее: мало ли что и когда взорвётся... А что касается содержания, тут всё как обычно – приключения на Земле и в Космосе, в загробном мире и в дебрях человеческой (и драконьей) психики. Автор надеется не только развлечь читателя, но и дать пищу для размышлений тем, кто в такой пище нуждается. Фотография на обложке: фрагмент статуи Микеланджело «Вечер», Капелла Медичи, Флоренция. Сделана автором.

Содержание

Вечер во Флоренции	4
Суд идёт!	20
Чистый кошмар	24
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Вечер во Флоренции

Туристы – странный народ. Вот я, к примеру. Страшно люблю путешествовать, поэтому раньше, когда был в исходном состоянии, каждое лето улетал за рубеж хоть на несколько дней, насколько позволяли финансы. Весь остальной год я предвкушал свой летний бросок: читал путеводители, рыскал по интернету, выбирал маршруты. В некоторые города меня тянуло вернуться, но большинство оставалось одноразовым восхитительным воспоминанием...

Я с наслаждением перебирал города Земли, как сейчас перебираю чётки из тяжёлого маслянистого оливкового дерева, и меня почему-то совсем не занимало, почему я так мало знаю свой собственный город. Да ничего я в нём и не знал, кроме мест своего детства и юности и тех достопримечательностей, куда водили наш класс для «культурного развития». С тех далёких времён я возненавидел коллективные экскурсии, да и достопримечательности тоже. Когда поднялся «железный занавес», я открыл свой личный туристический сезон. Теперь я сам мог выбирать куда ходить и что смотреть. Своими глазами увидеть те страны, с которыми был «знаком» с детства: от Греции, родины богов и героев, до Америки, страны золотоискателей и индейцев.

Тем летом меня неудержимо потянуло во Флоренцию. На-

до сказать, что в предыдущем году я уже побывал здесь, проездом из Рима. Пары часов между поездами мне хватило, чтобы попасть в плен этого невероятного города. А ведь я просто прогулялся по улицам – благо вокзал Санта Мария Новелла «въезжал» прямо в город, в его исторический центр. Тогда я успел пройти только от церкви (той самой Санта Мария Новелла) через радостно-величественную Соборную площадь и площадь Синьории со средневековым замком до знаменитого моста Понте де Веккио – и обратно. Этого оказалось достаточно: я поклялся сюда вернуться. Сдержать клятву было легко: когда в московских снах я вновь бродил по Флоренции, то просыпался с улыбкой на губах и тянущей тоской в сердце.

Чтобы не стоять в очередях, которых достаточно навиделся во время той предварительной прогулки, я заранее заказал билеты в Капеллу Медичи, галерею Академии и галерею Уффици. Все сеансы на утренние часы, чтобы меньше народу, и на свежую голову. Я специально ограничился одним музеем в день: меня слегка насторожила непонятная и возрастающая с каждым днём тяга вернуться. Тем более, что в сети я наткнулся на упоминание о странной особенности этого города. Оказывается, Флоренция считается самым опасным для туристов городом в смысле сохранения психического здоровья – на неё приходится аномально высокое число гостей, госпитализированных с острым психическим расстройством.

В первое своё утро во Флоренции я отправился в Капеллу Медичи. Там всё и началось.

Двухголовая Капелла – большой купол и поменьше – состоит из Капеллы Принцев и Новой Сакристии. Эта последняя создана Микеланджело, и нацеливался я именно на неё. Однако попасть туда можно было только пройдя мимо Капеллы Принцев. Не заглянуть в неё по пути к Микеланджело казалось глупым: ведь я читал в сети множество восторженных отзывов. Да, это оказалась невероятно роскошная гигантская шкатулка, попав в которую неосторожный турист рисковал завязнуть надолго, как муха в блюде с мёдом. Восхищённые глаза требовали смотреть ещё и ещё – на пол и стены, изукрашенные каменными узорами, на высоченный потолок с возносящимися фигурами на фресках.

Обойдя «шкатулку» в третий раз, я почувствовал себя достаточно опустошённым, чтобы без затаённого страха (а вдруг все эти восторги ценителей окажутся пустышкой?) перейти в Сакристию. Контраст был разительным: разноцветная роскошь – и предельная простота. Только белое и чёрное. Четыре обнаженные фигуры возлежали попарно на двух саркофагах: Ночь и День, Утро и Вечер. Мрамор был как живая плоть, каждая фигура вызывала... Не могу подобрать слова, да и слов не требовалось – это был какой-то другой уровень общения, мне ещё незнакомый. Я просто переходил от фигуры к фигуре и впитывал исходящее от каждой послание, даже не пытаюсь расшифровать его.

Завершив круг, я вновь подошёл к Вечеру. Меня удивила разница между головой статуи и телом. Разница в обработке поверхности. Великолепное, свободно раскинувшееся тело выглядело совершенно человеческим – с переливающимися друг в друга мускулами под безупречно гладкой кожей. Но вот голова... Я знал, что это автопортрет, только немного исправленный – Микеланджело выпрямил свой нос, перебитый еще когда он был подростком, обучавшимся искусству ваяния в садах Медичи. Но почему тогда он не отполировал голову так же, как и тело? Кстати, голова Дня выглядела ещё более «незаконченной» – грубые контуры и лишь намёк на взгляд, требовательный и грозный. В то же время головы двух женских фигур – Ночи и Утра – были отделаны столь же безупречно, как и тела. Почему именно мужчины – Вечер и День – остались «незаконченными»?

Стремясь понять послание скульптора, я приблизился к Вечеру насколько позволяло ограждение, и попытался поймать его взгляд. Удивительно, но первоначально лишь намеченные глаза становились всё более определёнными и живыми, и скоро мы уже смотрели прямо друг на друга. Слегка испугавшись, я попытался отвести взгляд, и не смог. Тут я уже испугался по-настоящему, а потом испуг перешёл в панику, когда стены (я их видел боковым зрением) растворились и вернулись изменёнными. Я оказался в «шкатулке», наподобие той, откуда пришёл, только поменьше. Неторопливо растворилась и она, а потом две «декорации» стали сменять

друг друга с возрастающей скоростью. Я почувствовал, что теряю сознание, и только тогда сумел разорвать зрительную связь с Вечером.

Ко мне уже спешил зритель, до того незаметно сидящий на стуле у противоположной закрытой двери. Я смущённо пробормотал: «Thank you, I'm OK!» и вышел в ту же дверь, откуда пришёл – единственный открытый вход и одновременно выход. «Не хватало только чтобы меня взяли в Сакристии, вроде того спятившего туриста, которого повязали на Понто де Веккио» – повторял я про себя, почти бегом выбираясь из Капеллы.

На улице мне сразу полегчало. Хотя было жарко, я даже озяб немного в своей насквозь промокшей от пота летней рубашке. Но лёгкая ткань быстро просохла, да и окружающее вошло в обычные рамки: узкие средневековые улочки, заполненные туристами, переходили в уютные перекрёстки и площади, украшенные дворцами, церквями и изваяниями. Вскоре я перешёл на обычный шаг и огляделся. Я оказался на площади Синьории напротив Палаццо Веккио, где и провёл следующий час, сидя в кафе. После второго бокала вина и третьей чашки кофе я совершенно успокоился. «Избыток зрительных впечатлений», – поставил я диагноз и прописал себе послеобеденную прогулку по садам Боболи.

Позже, когда я бродил по аллеям великолепного парка, неприятное чувство, что меня каким-то образом поймали в ловушку, отравляло прогулку и мешало безмятежно насла-

ждаться изысканной красотой ландшафта. Я припоминал, что в прежних своих странствиях никогда не испытывал ничего похожего на сегодняшний утренний срыв. Раньше, когда мозг уставал от многочасового созерцания произведений искусства или красот архитектуры – он просто переставал воспринимать новое, и я понимал, что на сегодня хватит. Откуда такая стремительная и ненормальная вовлечённость? Слово «ненормальная» мне не понравилось, и я до одури выгуливал себя по парку, а после его закрытия – по темнеющим улицам Флоренции. Вернувшись в отель, я принял душ, повалился в постель и мгновенно заснул.

Обычно я не запоминаю своих снов – они улечувиваются через несколько минут после пробуждения. Этот сон был иным. Я бы и хотел его забыть, но не мог. Я открыл глаза в огромном зале – это была церковь, украшенная великолепными фресками. Одну я узнал сразу, по репродукциям. Мазаччо, «Собирание подати», церковь дель Кармине. Группа художников сидя на стульях копировала фреску. Картина обычная для Флоренции. Но вот что было необычно – то, как они одеты. Не джинсы и футболки, а длинные свободные рубахи и ... боже мой, колготки, лосины? Я вспомнил полузабытое слово «рейтузы». Я подошел поближе и обнаружил вторую странность: молодые художники, почти мальчишки, переговаривались по-итальянски, но я всё понимал, хотя совсем не знал языка!

Самый маленький из копировальщиков сидел сбоку, и всё пытался отодвинуться от своего старшего товарища – это был молодой, прекрасно сложенный щёголь, который, казалось, не столько занимался рисованием, сколько желал пообщаться с приятелем. Тот отвечал всё более раздражённо и резко.

– Да, ты рисуешь лучше меня – так не мешай мне поучиться.

– Ты совсем загордился, Микеланджело, попав во дворец! Раньше ты льнул ко мне, я был центр твоей вселенной...

– Ты никогда не был центром моей вселенной, – изумился младший.

– Был! А теперь твой центр Лоренцо Великолепный. Такой большой человек. А ведь раньше это я был для тебя большим человеком, хотя бы признай это, предатель!

– Чем больше человек, тем больше вони! – не удержался Микеланджело.

Я знал, что будет дальше, но не мог сдвинуться с места. Тем временем молодой щёголь резко вскочил (его стул отлетел в сторону), притянул к себе тщедушное тело обидчика и ударил его кулаком в лицо, прямо в глаза. Тот рухнул на пол. Потекла кровь и что-то белое из разбитого черепа.

– Это неправильно! – закричал я. – Торриджани разбил ему нос, только нос!!!

Никто меня не услышал. К упавшему кинулись его товарищи и старик-учитель («Бертольдо» – подумал я). Старик

наклонился к телу, а потом яростно крикнул в лицо остолбеневшему Торриджани: «Что ты наделал!» Тот круто развернулся и выскочил из дверей церкви.

Потрясённый, как в тумане, я наблюдал начавшуюся суматоху: выбегали и вбегали люди. Наконец Микеланджело подняли и унесли. Церковь опустела. Остался только Бертольдо. Он неожиданно повернулся ко мне и приблизился.

– Вот так умер мой лучший ученик, мой пропуск в бессмертие. Не будет Пиеты и Давида, Моисея и Вечера – ничего не будет.

– Чушь, – возразил я, – всё это будет. Я точно знаю.

– Да? Тогда поговорим завтра, – ответил Бертольдо. И растворился, вместе с церковью.

«Чушь!» – повторил я, проснувшись следующим утром, моим вторым утром во Флоренции. «Сейчас позавтракаю и пойду к Давиду!»

Раннее утро было чудесным: радостная синева безоблачного неба, лёгкий ветерок и полупустые улицы, которые только готовились к наплыву туристов. Я чувствовал себя великолепно. Если вчера Флоренция и нанесла мне рану – она же её и залечила. Я наслаждался прогулкой и был уверен, что ничего плохого и странного сегодня со мной уже не случится. А вчерашний морок и сон – это была просто акклиматизация. Очень уж необычный город. Совершенно новый для меня опыт. Да, крыша слегка поехала, но теперь

прочно встала на место.

Я вышел на соборную площадь – поприветствовал сияющую громаду Собора с его устремлённым к небу кружевным порталом, обогнул дворец Риккардо-Медичи и по *via Savour* вышел прямо к церкви Сан-Марко. Во времена Микеланджело это был монастырь, и именно здесь угнездился Савонарола, монах-проповедник, разрушитель Флоренции. Тот самый, который сжигал на кострах предметы роскоши и греховные произведения искусства – а на его вкус почти всё жизнерадостное искусство флорентийцев было греховным. Он сумел заразить жителей своей злобой и нетерпимостью. Лоренцо Великолепный умер, Микеланджело бежал и вернулся лишь через много лет. Вернулся, чтобы создать Давида – символ возрождённой Флоренции. Я шёл к Давиду, который хранился теперь в Академии, в специально построенной для него ротонде. Я шёл к Давиду!

Немного не доходя до Сан-Марко, я свернул направо и вскоре уже входил в фойе галереи Академии. Обменяв свой ваучер на билет, я вступил в коридор-галерею, уставленную по бокам мраморными статуями по пути к венчающей галерею ротонде Давида.

Давида не было. Не было и самой ротонды – коридор оканчивался обычным залом, вернее, перпендикулярным коридором, увешанным картинами с классическими сюжетами: снятие с креста, вознесение, и так далее. Всё же сон меня подготовил – сознания я не потерял, только сердце ухнуло

вниз, потом вернулось на место, колотясь сильно и быстро. Чтобы успокоиться, я уселся на лавочку в коридоре с картинами и тупо уставился на группу у подножия креста, живописно демонстрирующую свою скорбь. «А раньше вы где были?» – злобно прошипел я им и занялся собственными проблемами.

Проблем было две: это реальность или бред и (после решения первой) что мне теперь делать? Первую проблему я попросту обесценил как несущественную в сложившихся обстоятельствах и занялся второй. Вопрос ставился так: мог ли я принять мир без Микеланджело – или не мог? Я помнил репродукции всех знаменитых статуй Микеланджело, но репродукции – это совсем не то, что оригинал. В этом я убедился вчера в Новой Сакристии. Но теперь, после смерти юного скульптора, и репродукций не будет. Я чувствовал себя ограбленным. «Да, Бертольдо, да! Давай сделаем это!» – сказал я про себя и двинулся к выходу, даже не заглянув в другие залы галереи. Меня совсем не удивило, что статуи по бокам были вовсе не «Рабы» Микеланджело, а античные изваяния. Они были прекрасны, эти мраморные мужчины и женщины, но лишены глубокого чувства и мысли. Того «послания», которое так мощно проявилось вчера, во время моей встречи с Вечером.

Я еле дождался ночи. Конечно, я не вернулся в отель после шока в Академии: как бы там ни было, мой самолёт улетал послезавтра. Поэтому времени терять не следовало, и я

нагулялся вволю. Сначала направился в Ольтарно, что означает – с другой стороны Арно, реки, рассекающей Флоренцию на две примерно равные части. Перейдя Арно по мосту Понте Веккио, я свернул налево и прошёл по набережной до старинной башни, от которой узкие улочки с редко проезжавшими по ним автомобилями и туристическими автобусами, петляя, устремлялись вверх – к площади Микеланджело. Разумеется, теперь такой площади не было, как не было и бронзовой копии Давида в её центре. Но смотровые площадки сохранились, и гомонящие туристы так же заполняли их, нацелив свои смартфоны на великолепную панораму города, а заодно на себя и своих друзей.

Прямо передо мной внизу лежал квартал Санта Кроче. Там он родился, там жил его отец с многочисленными домочадцами, там – в церкви Санта Кроче должна была быть гробница самого Микеланджело. Я не сомневался, что теперь её нет, только гробницы других великих сынов Флоренции – Галилея и Макиавелли. «Ты тоже будешь лежать в своей церкви, после того как проживёшь свои 90 лет и выполнишь своё предназначение», – пообещал я Микеланджело.

Поэтому, когда во сне мне явился Бертольдо, я и рта не дал ему раскрыть.

– Да, я согласен, – сказал я, – Что надо сделать?

Бертольдо улыбнулся:

– Ну что ж, я сделал верный выбор. Ты принадлежишь к нашей гильдии.

– Какой ещё гильдии? – удивился я.

– Гильдии художников. Ты ведь скульптор по дереву.

– Я простой реставратор старинной мебели, – возразил я.

– Ты художник по дереву. По сути такой же, как простые каменотёсы, которые с таким мастерством и любовью обрабатывали каждый камень для постройки нашей Флоренции. Вспомни наши старинные мостовые, дворцы, дома, мосты... Неужели ты думаешь, что такое чудо, как Флоренция, могло существовать без любви, вложенной её жителями в каждую частицу, малую и большую, неприметную и великую?

– Хорошо. Конечно, я умею работать с деревом. И что из этого?

– Стул.

– Стул?

– Стул Торриджани. Ну, до чего ты недогадлив! Надо подправить ножку. Так, чтобы, когда он вскочит, ножка сломалась. Удар Торриджани будет ослаблен и сбит – глаза и мозг Микеланджело не пострадают.

В принципе, это было возможно. Я подошёл к стульям, по видимому, оставленным учениками Бертольдо, чтобы завтра продолжить работу над копированием фрески. Взялся за верхнюю перекладину стула Торриджани – моя рука прошла сквозь неё. Сзади послышался смешок Бертольдо:

– Ты же во сне, не забывай об этом!

– Ну и что же я тогда могу сделать?! – с яростью обернулся я к нему.

– Перейти в реальность.

– Как?!

– Так же, как ты перешёл в этот сон. Ты заснёшь здесь, в этой нише, и проснёшься с первыми лучами солнца. Проснёшься в тот самый день, когда Торриджани нанёс свой удар. Найдешь рядом все необходимые инструменты, поработаешь со стулом, и вернёшься в нишу. Дождёшься учеников, дождёшься ссоры. Ты же захочешь оценить результат своей работы?

– Конечно. Но что потом? Я вернусь домой?

Бертольдо только улыбнулся и стал растворяться в воздухе. Я остался один в пустой церкви. Свет за окнами меркнул – наступала ночь.

Я проснулся не в отеле, а на твёрдом полу, завёрнутый в какую-то хламиду. Жёсткая ткань противно щекотала тело. В церкви слегка посветлело: рассвет. Рядом, как и обещал Бертольдо, лежали инструменты и две баночки, со светлой и тёмной жидкостью. «Клей и морилка, – определил я, – Старик всё продумал!»

Стул оказался из жесткого, но послушного резцу дерева, похожего на дуб. Я быстро прикинул конструкцию выемки, которая обеспечивала устойчивость при обычной вертикальной нагрузке, но вызывала мгновенное разрушение ножки при резком толчке сверху-назад. То движение Торриджани, перед тем как он нанёс свой убийственный удар, стояло пе-

ред моими глазами пока руки быстро и уверенно выполняли работу: вырезать нужный кусок, вставить его обратно, закрепить капелькой клея и закрасив морилкой свежий разрез. Закончив, я отступил назад в нишу и стал ждать.

Площадь перед церковью постепенно пробуждалась: ранние торговцы зазывали первых покупателей, перекликались соседи. Наконец, в дверях появилась шумная группа юношей, смеясь и подшучивая друг над другом. Сразу присмирив под внимательным взглядом Бертольдо, молодые художники расселись по своим местам и принялись за работу. Что будет дальше я уже знал – до того момента, когда Торриджани вскочит со своего стула.

Да, я всё рассчитал и выполнил правильно: ножка подломилась и, хотя Торриджани сумел схватить Микеланджело и успел ударить его, но он промазал, отшатнувшись чтобы сохранить равновесие. Всё же удар был силён. Из разбитого носа Микеланджело потоком хлынула кровь. Его повело в сторону и, в попытке устоять, он цеплялся взглядом за уплывающие фрески на стенах. На миг его глаза встретились с моими, и я узнал этот взгляд – взгляд Вечера.

Картинка застыла: падающий Микеланджело, тупо уставившийся на него Торриджани, вскочившие со своих стульев ученики, бегущий к Микеланджело Бертольдо. Я снова не мог пошевелиться, как в том, первом сне. Только теперь это был не сон. Несомненно, я присутствовал здесь во плоти, я чувствовал себя реальным. А вот с остальными (или

со временем?) творилось что-то невероятное. И тут Бертольд раздвоился. От неподвижно-бегущей фигуры отделилась еще одна и подошла ко мне.

– Спасибо. Ты молодец, всё сделал правильно. Только не загордись: одному человеку такое не под силу. Вас целая армия, спасителей Микеланджело, и не только его. Чтобы костёр не погас, его надо постоянно поддерживать, и всегда находятся люди, которые способны на это. Гордись тем, что ты один из них. А вернёшься ли ты к себе – в своё время, я просто не знаю. Никто не знает, какое время притянет человека сильнее: его исходное или то, в котором он сделал изменение. Не смог не сделать. А сейчас уходи отсюда. Быстро!

Время пошло. Я выбежал из церкви вслед за Торриджани.

Теперь я знаю, что всю жизнь буду бродить по дорогам Тосканы и Ломбардии, и рад этому. Потому что очень люблю путешествовать, и меня совсем не тянет ни в мой родной город, ни в моё время. Я зарабатываю на жизнь резьбой по дереву, и совершенствуюсь в этом деле. Начав с простой крестьянской мебели, теперь я вырезаю распятия и даже статуи. Конечно, это библейские персонажи, как требуют заказчики, но всё же я не простой иллюстратор: это было бы слишком скучно и не доставило бы мне никакого удовольствия. А в смысле удовольствий я стал настоящим флорентийцем.

Я путешествоую из города в город, из селения в селение, но каждый год возвращаюсь в свою любимую Флоренцию – во времена войны и мира, процветания и чумы, благоденствия и смуты. Я так и не увидел галерею Уффици, и уже не увижу – её построят и заполнят произведениями искусства гораздо позже. Зато я был свидетелем того, как Давида установили на площади Синьории, у входа в Палаццо Веккио. Толпа застыла в благоговейном молчании, когда со статуи упал покров, и Гигант изготовился к броску, не уверенный в победе, но полный отваги и решимости бороться за неё. В последнее моё посещение Флоренции Новая Сакрестия была уже готова и открыта. Я снова увидел Вечер – только что отполированную статую из белоснежного сияющего мрамора.

Суд идёт!

Гаад вполз в переговорную и расположился напротив своего подзащитного, аккуратно расправив кольца. Как обычно, на него сразу же обрушился поток мыслей клиента: «Изыди, Сатана! Иже еси на небеси... Чёрт! Дальше забыл!» Гаад быстро задвинул ментальную заглушку и прошипел в транслейтор:

– Здравствуйте, Иван Тихонович! Давайте продолжим.

– За что!? – возопил Иван. – Почему я попал сюда? Я же хороший, лучше многих! Родил сына (даже двух), посадил дерево (ещё пацаном, на школьном субботнике). – Он запнулся: забыл, как там дальше.

– Да-да, – терпеливо ответил Гаад, – мы это уже обсуждали. Эти данные, несомненно, в вашу пользу и я их непременно представлю. Но, видите ли, наш суд устроен немного иначе, чем у вас на Земле. То, что вы сделали – и хорошие дела, и плохие – всё это учитывается. Но главный аргумент – то, что вы НЕ сделали. Хотя и могли. Давайте, я сам буду задавать вам вопросы, а вы отвечайте.

О том, что имеют смысл только честные ответы, Гаад, конечно, говорить клиенту не стал. Если тот узнает о телепатии, в его мыслях забурлит такая каша, что семи дознавателям не разобраться. Иногда начинающие адвокаты делают такую ошибку, но быстро понимают, что адвокатская эти-

ка требует как раз обратного. Этому не учат в институте. Это надо почувствовать на собственной чешуе. Одного раза вполне достаточно.

– Начнём с дерева.

– Да! Посадил! И ямку копал, и засыпал, и полил!

– А потом?

– Что потом?

– Поливали? Смотрели за ним?

– Я что, садовник? Дождик польёт. Захочет жить – выживет.

– Да... Давайте лучше о сыновьях.

– А что сыновья? Их поливать не надо. Семья и школа. Семья – жена, школа – районная, как у всех.

– То есть, воспитанием занималась жена. А вы?

– А то! Ремня оба попробовали, пока в ум не вошли.

– А за что – ремня?

– Ну старшенький, Борька, нормальный пацан был, только слишком шустрый. Пить я его культурно учил, отметьте там себе. Дома в холодильнике пива – пей не хочу! Так нет! Нажрался со своими дружками водки и пошли ларёк брать. Так в первый раз и загремел. Кровавый режим! Детей, и то не жалеют!

– В первый? А где он сейчас?

– Там же. Выходит из тюрьги ненадолго, повидаться с отцом, и снова... Я ж говорю: кровавый режим.

– Ну, ладно. А второй сын?

– Мишка неудачный уродился. Всё за книжками сидел. Дочков досиделся. Я его к ребятам во двор гоню, чтобы там... в общем, соци... социализация, а он ни в какую. Только ремнём!

– Где он сейчас?

– А шут его знает! Мать говорит, институт закончил, за границу уехал. Предатель!

– Расскажите о жене.

– Да что там рассказывать! Баба – она баба и есть. Мишку это она испортила. А может и не мой он, Мишка. Так ведь не признаётся,!

– А генетическую экспертизу делали?

– Чего?

– Ну, ладно, – вздохнул Гаад. – Пошли дальше...

– Лень, равнодушие, эгоизм. Тяжкие грехи, вы согласны? По закону душа, как неспособная к развитию, должна быть вычеркнута из реестра.

– Да, Ваша Честь, – ответил Гаад. – Но прошу учесть смягчающие обстоятельства, возникшие вследствие тяжёлых родоплеменных условий существования моего подзащитного. Поэтому я просил бы дать его душе еще одну попытку. Последнюю. Но в другой стране. Кроме того, Ваша Честь, ...

– Достаточно, – прервал Верховный. – Суд идёт!

Все встали. Дрожащий землянин еле держался на ногах. Гаад снял заглушку и сразу же захлопнул, потому что клиент орал дурным ментальным голосом: «Всё пропало! В ад! На сковороду!»

– Решение Суда: землянин признан виновным, но с учётом смягчающих обстоятельств ему разрешено родиться ещё раз, в более цивилизованной среде. Иван, сын человеческий! Ты возродишься как Ян в Чехии. Иди и больше не греши!

– Благодарю тебя, Господи! – бухнулся Иван на колени и принялся колотить лбом об пол. «У чехов пиво хорошее» – успел поймать последнюю мысль подзащитного Гаад перед тем, как тот исчез.

– Следующий! – вызвал Верховный.

Чистый кошмар

Роберт и Стью разбирали вещи своего недавно умершего родственника – дальнего кузена, как они его для себя называли. Дальнего не только по цепочке родства, но и по отношениям, точнее, по почти полному отсутствию оных. И всё-таки Роберту он нравился: чудак его интриговал – и своей необычностью, и своей писаниной, которую Роберт иногда почитывал, и не без удовольствия. Стью пошёл за компанию, а вот жена Роба категорически отказалась присоединиться, соорудив презрительную гримасу: «И что вы думаете там отыскать, у этого психа? Лучше вызовите команду уборщиков, а потом ремонтников. Скорее начнём сдавать квартиру – скорее получим деньги». Но Роберт не согласился: деньги деньгами, но надо же оказать усопшему хоть минимальное уважение. Видит Бог, семья полностью отказывала ему в этом при жизни.

Мать Говарда стала паршивой овцой после того, как выскочила замуж за своего коммивояжёра. Так ведь семья оказалась права: тот оказался в психушке, оставив жену и двухлетнего ребёнка. Они готовы были принять её обратно, с соответствующим покаянием, но гордячка отказалась и стала сама работать и воспитывать сына. И чем же всё закончилось? Сама оказалась в психушке, да и сын чудом избежал той же участи. Чудом? Роберт улыбнулся. Никаких чудес:

парень работал, как вол, и боролся, и сумел умереть своей смертью в своём доме. Правда рано: по нынешним временам 47 лет – не срок. Но для Говарда и это удивительно много, с его-то монстрами. Не жизнь, а чистый кошмар!

Своё детство Говард помнил плохо, урывками. Лучше всего помнил деда и его рассказы о путешествиях. Он сохранил все диковинки, которые дед привёз из своих странствий – это был его мир в детстве, да и сейчас во многом тоже. Он брал в руки вещицу, всматривался в неё и начинал слышать голос деда, рассказывавшего очередную удивительную историю – иногда смешную, иногда страшную. Правда, когда дед заметил, что внук кричит по ночам, он перестал рассказывать страшные и осторожно допытался у мальчика, что ему снится.

– Монстры! – шёпотом (чтобы не испугать маму) кричал мальчик. – Они выходят из моря и гонятся за мной; и в море, и потом. Они могут двигаться по суше! Они невидимы для остальных. Они прячутся в наших комнатах и показываются мне, когда темно.

– Если темно, ты не можешь их видеть, – рассудительно заметил дед.

– Я их чувствую.

– Как?

– Не знаю. Просто чувствую, когда они подкрадываются,

и даже просто если они в комнате

– Пошли, – сказал дед и мягко, но решительно взял его за руку. – Сейчас вечер, в комнатах темно. Покажи мне своих монстров.

– Не хочу показывать!

– Тогда сходи сам, прямо сейчас. Если они снова начнут тебя пугать, крикни мне – я их прогоню, я знаю как.

Говард с сомнением посмотрел на деда, но пошёл. И что же? Никаких монстров наяву он больше не видел, и даже не чувствовал. Они полностью переселились в его сны, но как только он говорил им там, что позовёт дедушку, твари быстро исчезали. А когда дед умер, и они отказывались исчезать, Говард уже нашел свой способ борьбы с чудовищами. Он стал их описывать – переносить в реальность, под яркий свет своего воображения. В этих ментальных клетках – его рукописях – монстры жили, становясь безопасными для него. Правда, сны рождали новых чудовищ или возрождали старых. Ну что ж! Проснувшись, он с мстительным удовольствием заключал их всех в свою прозу, окружая там атрибутами реальности, артефактами научного познания мира – острейшим оружием против порождений ночных кошмаров.

И всё-таки жить было очень трудно. Нельзя же всё время писать! К тому же надо было зарабатывать на жизнь, превращая тем самым занятия литературой в подённый труд – он правил и перепечатывал чужие рукописи, и как же он это ненавидел! Мысли о самоубийстве посещали всё чаще. Он

понимал, что живёт нездоровой жизнью – но это потому, что исходно был нездоров. Чего скрывать от себя – болен психически, тут даже Фрейда не надо было для диагностики, сам Говард с его аналитическим умом и обширными, хотя и отрывочными, научными знаниями вполне осознавал свои проблемы и ограниченность того способа, которым он их решал. Требовалось общение с живыми людьми, погружение в реальный мир – но его психическая природа протестовала. Попытка женитьбы была, конечно, полезна для его творчества, но совместная жизнь продолжалась недолго, хотя с Лорен они расстались вполне мирно – и к обоюдному удовольствию.

Самое большее, что он мог постоянно практиковать на пути общения – это обширная переписка, сначала с матерью (она охотно отвечала ему из своей клиники), затем с другими корреспондентами (к его удивлению, многие значительные люди, в том числе успешные писатели, поддерживали переписку). И это помогало, но не очень, и Говард уже стоял на краю, когда неожиданно получил поддержку из иной реальности, в которой обитают, оказывается, не одни только монстры.

– Смотри, Роб! – воскликнул Стью, – Ты когда-нибудь видел такое?

Он протянул Роберту плоскую чёрную плитку величиной

с ладонь. Края закруглены; матовый, приятный на ощупь материал не походил ни на металл, ни на дерево. Возможно, какой-то минерал из дедовой коллекции диковинок, которыми они уже почти заполнили шляпную коробку, оставшуюся от Лорен. Но почему такая странная форма? Заметив щель, идущую по торцу плитки, они попытались её раскрыть, но не получилось.

– Ладно, Стюард, – сказал Роберт, – положи пока в коробку, потом разберёмся. Тут ещё столько работы, дай бог до ночи управиться. Главное – рукописи и письма. Помяни моё слово: мы ещё выручим за них кучу денег, по крайней мере за письма. Он ведь с такими шишками переписывался! Как-то случайно мне сказал – я вначале просто не поверил. Но ты ведь знаешь: Говард никогда не врёт. Не врал...

И они перешли к ящикам письменного стола, а потом к бюро. Забирали все бумаги, не глядя (потом, потом!) и складывали в чемодан. Когда закончили с бумагами, остались только старый диван, фотография деда над диваном, письменный стол и шкаф с одиноким старым костюмом. В новом, приличном, его хоронили. В кухне и ванной тоже брать было нечего, если не считать свидетелей болезни: пузырьков и баночек с лекарствами, перевязочных материалов, каких-то медицинских приспособлений. Роберт грустно оглядел покинутую квартиру, шепнул себе под нос: «Прощай, Говард!» и обратился к Стюарду:

– Пошли, Стюю. Закончили. Теперь можно запускать Нор-

му. Ты забирай чемодан, а я – коробку. Норма просто звереет, когда слышит о Говарде. Выбросит она его бумаги, как пить дать. А дедовы диковинки, думаю, не тронет; поставлю коробку в своей комнате, скажу, что это мои детские игрушки. Случайно, мол, нашёл у Говарда – сам отдал ему на хранение, когда переезжал, и забыл.

Теперь он спал только днём – тогда кошмары становились менее интенсивными. Вставал вечером, обедал, несколько часов писал, а потом выходил на прогулку. Людей на улицах ночного Портленда было мало, и это его вполне устраивало. Таких, как он, просто гуляющих, почти не было: люди торопились по своим делам, но их присутствие ободряло его. Тем более, что никто к нему не приставал, даже проститутки: они сразу чувствовали, что он – не их клиент.

Так он продержался ещё несколько лет. В мире происходили глобальные изменения: в России набирал силу монстр по имени Сталин; в Германии рвался к власти Гитлер, и тёмные волны начали захлёстывать культурную и интеллектуальную столицу мира, обратившуюся в огромного безмозглого удава, готовившегося задавить своими кольцами весь мир, задушить и переварить его. Говард всего этого почти не замечал – ему хватало непрерывной борьбы со своими собственными монстрами.

Сколько раз перед сном он просил, чтобы к нему пришёл

дедушка, но приходили только чудовища. Но человек не может всё время находиться в обществе чудовищ! Конечно, у него были знакомые, хотя бы в редакциях, на которые он работал и куда изредка приносил свои рассказы, и среди таких же, как он, неудачников-журналистов. Но знакомые – это не близкие люди, а близких людей после деда у него не было. Слишком тяжело далась ему смерть бабушка, деда, матери – он просто не мог пережить это ещё раз. Уж лучше ночные монстры. Семья... Он пытался, видит бог. И Лорен пыталась, но ничего не вышло. Как и с Робертом. Парень искренне хотел сблизиться, но Говард испугался. И всё-таки хотя бы единственный ценитель его странного творчества у него точно был, спасибо Роберту.

Он решил, что достаточно. Сегодня будет его последний день, точнее ночь – он просто шагнёт с портлендского мола в океаническую глубину, откуда его уже давно зовёт Ктулху. Он надеялся, что тело не найдут, что монстр не выдаст собственного создателя. Но даже если найдут, то спишут на несчастный случай: покойный любил гулять по ночам, задумался, перешагнул ограду, упал в море...

Говард дописал страницу, последний абзац: *«От этих любительских, нечётких фотографий, сделанных «Кодаком», исходила поистине магическая сила. Ни одна самая искусная подделка не произвела бы такого впечатления»* – и оставил блокнот раскрытым, придавив разворот камешком: пусть считают, что он просто вышел пройтись. Говард под-

нялся, но, поддавшись внезапно накатившей слабости, снова опустился на стул: на развороте блокнота вместо камешка мерцала странная плоская коробочка. Чёрная, матовая, с закруглёнными краями. Он притронулся к ней – мерцание прекратилось. Говард взял коробочку в руки, увидел на торце щель и еле заметную кнопку. Он нажал кнопку, и коробочка раскрылась. Одна из внутренних поверхностей казалась стеклянной. Он притронулся к ней – стекло засветилось изнутри, открыв неожиданную глубину, откуда ему приветливо улыбался человек – примерно его лет, но чем-то неуловимо отличающийся и от Говарда (это было нетрудно), и от его современников.

– Что это?! – невольно воскликнул Говард.

– Это смартфон, а я Эдди, – откликнулся человек в коробочке. – Привет, Говард! Не трясись. Я же не Ктулху, верно?

И человек рассмеялся, да так заразительно, что и Говард улыбнулся. Он уже забыл, как это делается. Лицевые мышцы, управлявшие улыбкой, как бы заржавели, но сработали.

– Вот и отлично! – бодро продолжал Эдди. – А говорили, ты не умеешь улыбаться.

– Оказывается, умею, – улыбнувшись еще раз (теперь дело пошло легче) сказал Говард. – А теперь объясни, что такое «мартфон», и откуда ты взялся? (Да еще именно сегодня, добавил он про себя).

– Что хорошо, – задумчиво сказал Эдди, – ты фантаст, причём с широким полем допущений. «Фантдопов», как мы

говорим. Мы – это любители фантастики, и мы любим твои книги, Говард Лавкрафт. Давай, вступай на своё поле, и я тебе всё объясню. Готов?

– Да, – кивнул Говард.

– Дело в том, – начал Эдди, – что я не дочитал твою книгу: она замерцала. Сейчас объясню, – поспешно добавил он в ответ на недоумённый взгляд Говарда, который грозил перейти в оскорблённый. – Извини, я не так начал. «Смартфон» – это дословно умный телефон, Телефон, как у вас, но плюс компьютер. Ты знаешь, что такое компьютер?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.